

БОДЛЕР Шарль Пьер (1821–1867) родился в Париже. Его отец, Франсуа Бодлер, происхождением был из крестьянской семьи, принимал участие в Великой революции, во времена правления Наполеона дослужился до должности сенатора. Когда родился Шарль, его отцу было уже 62 года, а матери всего 27. Отец был человеком искусства, любил живопись, сам хорошо рисовал. С самого раннего детства он пытался привить любовь к творчеству и маленькому Шарлю. Когда мальчику было 11 лет, семья уехала в Лион, где Шарль начал обучение в пансионе. Вскоре отсюда он был переведён в среднее общеобразовательное заведение — Лионский Королевский коллеж. У ребёнка постоянно наблюдались тяжёлые меланхолические припадки, вследствие чего учился он неровно. Сами учителя порой бывали в шоке: мальчик то прилежный и сообразительный, то полностью рассеянный и ленивый. Единственное, что страстно влекло его, — это литература, особенно поэзия. Парню было 15 лет, когда семья вернулась в Париж. Здесь он продолжил обучение в колледже Святого Людовика, где поступил на правовой курс. В 1841 году с горем пополам он сдал экзамен на бакалавра и окончил учебное заведение. Вскоре Бодлер вступил в права наследства и получил огромное состояние в 75 000 франков, которое когда-то принадлежало его родному отцу. Молодой скандальный поэт быстро приобрёл в Париже дурную славу. На этот период приходится и первые издания его стихов. В журнале «Артист» были напечатаны: «Дон Жуан в аду»; «Даме-креолке»; «Малабарской девушке». В 1857 году был издан самый знаменитый сборник его стихов «Цветы зла». Он шокировал читателей настолько, что цензоры наложили на Шарля штраф в 300 франков и потребовали выкинуть из сборника самые непристойные произведения. Но Бодлер обратился за помощью к критикам и добился признания. Ещё две поэтические книги с его стихами «Поэмы в прозе» и «Парижский сплин» вышли соответственно в 1857 и в 1860 годах. Всё изменила встреча Шарля с молодой артисткой-мулаткой, в его сочинениях вдруг появились нежные нотки. Романтические строки французский поэт посвящал Жанне Дюваль, которая на долгие годы стала его мучительницей и музой. До встречи с ней Шарль слыл женоненавистником, всех представительниц прекрасного пола он называл не иначе как

«божественная грязь» и «омерзительные существа». Он презирал всех женщин, пока не встретил ту единственную, с которой познал искреннюю любовь. Мулатка с Гаити, актриса и балерина Жанна Дюваль, вела себя с Шарлем дерзко. Она никогда не дарила ему своих искренних чувств, крутила бесчисленные романы и потом рассказывала Бодлеру о страстных похождениях. Но вот именно этой своей порочностью, разгульным образом жизни, пренебрежительным отношением и грубостью она сводила с ума молодого поэта. Жанна манила его своей опасностью и креольской экзотической красотой. К его творчеству она испытывала отвращение, при этом постоянно требовала денег и подарков. Шарль отдавал ей последнее, а Жанна нахально тратила деньги на развлечения и угощения других мужчин. В Бельгии здоровье поэта стало быстро ухудшаться. В 1865 году в Намюре во время службы в церкви Сен-Лу Шарлю стало плохо, сознание покинуло его, он упал, ударившись о каменные ступеньки. В 1866 году болезнь приняла тяжёлый характер. Его мучили приступы удушья, бросало в холодный пот, голова иногда кружилась, а иной раз сильно болела, мысли путались. Мать перевезла его во Францию, где определила в парижскую клинику. Здесь он скончался 31 августа 1867 года.

Покуда свой клубок разматывает время...

* * *

Что скажешь ты, душа, одна в ночи безбрежной,
И ты, о сердце, ты, поникшее без сил,
Ей, самой милой, самой доброй, самой нежной,
Чей взор божественный тебя вдруг воскресил?

— Ей славу будем петь, живя и умирая,
И с гордостью во всём повиноваться ей.
Духовна плоть её, в ней ароматы рая,
И взгляд её струит свет неземных лучей.

В ночном безмолвии, в тиши уединенья,
И в шуме уличном, в дневном столпотворенье,
Пылает лик её, как факел, в высоте,

И молвит: «Я велю — иного нет закона, —
Чтоб вы, любя меня, служили Красоте;
Я добрый ангел ваш, я Муза, я Мадонна!».

Конец дня

В неверных отблесках денницы
Жизнь кружит, пляшет без стыда;
Теней проводит вереницы
И исчезает навсегда.

Тогда на горизонте чёрном
Восходит траурная Ночь,
Смеясь над голодом упорным
И совесть прогоняя прочь;

Тогда поэта дух печальный
В раздумье молвит: «Я готов!
Пусть мрак и холод погребальный

Совьют мне траурный покров
И сердце, полное тоскою,
Приблизит к вечному покою!»

* * *

Когда, небрежная, выходишь ты под звуки
Мелодий, бьющихся о низкий потолок,
И вся ты — музыка, и взор твой, полный скуки,
Глядит куда-то вдаль, рассеян и глубок,

Когда на бледном лбу горят лучом румяным
Вечерних люстр огни, как солнечный рассвет,
И ты, наполнив зал волнующим дурманом,
Влечёшь глаза мои, как может влечь портрет,

Я говорю себе: «Она ещё прекрасна,
И странно — так свежа, хоть персик сердца смят,
Хоть башней царственной над ней воздвиглось властно
Всё то, что прожито, чем путь любви богат».

Так что ж ты: спелый плод, налитый пьяным соком,
Иль урна, ждущая над гробом чьих-то слёз,
Иль аромат цветка в оазисе далёком,
Подушка томная, корзина поздних роз?

Я знаю, есть глаза, где всей печалью мира
Мерцает влажный мрак, но нет загадок в них.
Шкатулки без кудрей, ларцы без сувенира,
В них та же пустота, что в Небесах пустых.

А может быть, и ты — всего лишь заблужденье
Ума, бегущего от Истины в Мечту?
Ты суетна? глупа? ты маска? ты виденье?
Пусть, я люблю в тебе и славлю Красоту.

В струении одежд мерцающих её,
 В скольжении шагов — тугое колебанье
 Танцующей змеи, когда факир своё
 Священное над ней бормочет заклинанье.

Бесстрастию песков и бирюзы пустынь
 Она сродни — что им и люди, и страданья?
 Бесчувственной, чем зыбь, чем океанов синь,
 Она плывёт из рук, холодное создание.

Блеск редкостных камней в разрезе этих глаз.
 И в странном, неживом и баснословном мире,
 Где сфинкс и серафим сливаются в эфире,

Где излучают свет сталь, золото, алмаз,
 Горит сквозь тьму времён ненужною звездой
 Бесплодной женщины величье ледяное.

Танцующая змея

Твой вид беспечный и ленивый
 Я созерцать люблю, когда
 Твоих мерцаний переливы
 Дрожат, как дальняя звезда.

Люблю кочующие волны
 Благоухающих кудрей,
 Что благовоний едких полны
 И чёрной синевы морей.

Как чёлн, зарею окрылённый,
 Вдруг распускает паруса,
 Мой дух, мечтою умилённый,
 Вдруг улетает в небеса.

И два бесчувственные глаза
 Презрели радость и печаль,
 Как два холодные алмаза,
 Где слиты золото и сталь.

Свершая танец свой красивый,
 Ты приняла, переняла

змеи танцующей извивы
 На тонком острие жезла.

Истомы ношею тяжёлой
 Твоя головка склонена —
 То вдруг игривостью весёлой
 Напомнит мне игру слона.

Твой торс склонённый, удлинённый
 Дрожит, как чуткая ладья,
 Когда вдруг реи наклонённой
 Коснётся влажная струя.

И, как порой волна, вскипая,
 Растёт от таянья снегов,
 Струится влага, проникая
 Сквозь тесный ряд твоих зубов.

Мне снится: жадными губами
 Вино богемское я пью,
 Как небо, чистыми звездами
 Осыпавшее грудь мою!

De Profundis Clamavi¹

К Тебе, к Тебе одной взываю я из бездны,
В которую душа низринута моя...
Вокруг меня — тоски свинцовые края,
Безжизненна земля и небеса беззвездны.

Шесть месяцев в году здесь стынет солнца свет,
А шесть — крошечный мрак и ночи окаянство...
Как нож, обнажены полярные пространства:
— Хотя бы тень куста! Хотя бы волчий след!

Нет ничего страшней жестокости светила,
Что излучает лёд. А эта ночь — могила,
Где Хаос погребён! Забыться бы теперь

Тупым, тяжёлым сном — как спит в берлоге зверь...
Забыться и забыть и сбросить это бремя,
Покуда свой клубок разматывает время...

¹*De Profundis Clamavi* — 129-й псалом из книги Псалтирь. Текст псалма представляет собой молитву угнетённых, возлагающих на Бога свою надежду на спасение. В Православии читается перед пением стихир на «Господи, воззвах».